

Я — замаскировавшийся конформист

Светлана КОНЕГЕН — ТВ-персонаж, хорошо знакомый поклонникам маргинального мюзикла в целом и телеканала ТВЦ в частности.

Все, как мы помним, началось с программы «Деликатесы». И вот госпожа Конеген появилась на экране в своем новом проекте «Жалобная книга» (ТВЦ).

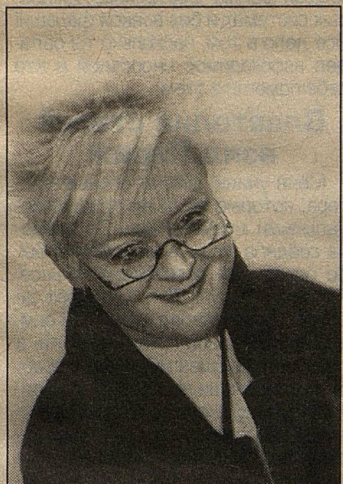
— О подготовке «Жалобной книги» пресс-службой канала было объявлено еще в августе 2003 года. И вот в конце мая 2004 она (в смысле программа) появляется на свет. Прошло ровнехонько 9 месяцев. Символично, не правда ли? — Вполне. Как видите, детишек я пеку вполне себе исправно, по крайней мере, с сугубо медицинской точки зрения.

— И что же в итоге родилось?

— Как и положено, чудовище!.. Нет, если серьезно, то я всерьез (а я могу быть серьезной?) решила попробовать себя в новом для меня социальном жанре. А это, как вы понимаете, требует известной меры человечности. Я долго ее в себе искала, рылась по всем потаенным уголкам и закоулочкам и — что вы думаете? — нашла! Оказалось, что я вполне могу идентифицировать себя с честным, здоровым обывателем. Но что самое интересное, он, в свою очередь, способен и меня воспринимать как себе подобную.

— Говорят, к рождению программы имел непосредственное отношение Олег Попцов. Как вам работало с ним в тандеме?

— Да, правда. Парочка из нас получилась замечательная. Знаете, как говорят, «один — такой, другой — другой»? Нет, на самом-то деле, при всей внешней разнице наших вкусовых привязанностей и прочих социокультурных страстишек и слабостях Олег Максимович порой проявляет просто чудеса терпимости, гибкости и лояльности. Кроме того, если его что-то проберет, зацепит, он

С. Конеген

заводится с пол-оборота. Вообще его темперамент порой приводит в ужас, порой — в восторг! И в отличие от большинства людей его статуса и положения (которые просто-напросто спихнули бы проект на нашу ответственность) он нырнул в него, что называется, «глубоко», «с головой», и до сих пор, по-моему, в нем плавает. Причем, заметьте, безо всякого гидрокостюма. Я имею в виду, что когда он занимается творчеством, то забывает, что он, где он... И ты практически утрачиваешь всякую дистанцию по отношению к «начальству». Но в принципе главным его требованием ко мне в этом проекте была полная смена имиджа. Он страшно беспокоится, что я начну «выворачивать кишки» народу (это его собственное выражение). Помню, смотрел на меня со страшным подозрением и все твердил: «Голос у тебя, Конеген, уж больно узнаваемый». А я ему: «Так, может, при моей профессии это и к лучшему?» Кстати, открою вам страшный секрет (думаю, Попцов меня убил бы за это): слова к песенке, которую специально для «Жалобной книги» сочинил замечательный композитор Александр Журбин, написал сам Олег Максимович. Правда-правда! Писал, диктуй

мне по телефону, ругался и все время меня просил: «Ну-ка перечитай, чтобы чего-нибудь не переврал!»

— Такая совместная работа наводит на мысль, что у вас с начальством ТВЦ хорошие отношения. Хотя вы не производите впечатления человека, у которого могут быть хорошие отношения с каким-либо начальством?

— Вы знаете, у меня у самой всю жизнь были подозрения, что я никогда не смогу жить в мире и дружбе хоть с каким-нибудь начальством в принципе. Ан нет, оказалось, все не так! Хотя период взаимного притирания с нынешним начальством ТВЦ был достаточно долгим. Но нынче, как видите, мы друг другу вполне доверяем. А на самом-то деле сознаюсь: я — просто хорошо замаскировавшийся конформист. Просто искусству социальной и культурной маскировки мне пришлось учиться довольно долго.

— Однако вернемся к разговору о программе. Насколько я понимаю, это будет ток-шоу в жанре социального телевидения. Одним из основоположников этого жанра на нашем ТВ является выпускник Института стали и славов Валерий Комиссаров, вы что, решили пойти по его стопам?

— По его? Не думаю. «Социалка» — это наиболее востребованный на ТВ жанр, и, говоря о нем, я никому не советую принимать позу сноба. Ну да, есть на свете тов. Комиссаров, ну и что? Я действительно вряд ли на него хоть сколько-то похожа. Но в одном и том же жанре могут работать самые разные люди. И в этом случае их конечный продукт окажется тоже совершенно разным. Не думаю, чтобы наше ток-шоу хоть в чем-то походило на программу типа «Моя семья». Хотя... баланду тоже кто-то кушает. И возможно, даже с большим удовольствием!..

— Известно, что большинство историй, излагаемых в программах Комиссарова да и многих других ток-шоу, что у Молчанова, что у Малахова и так далее, придумываются штатными сценаристами. А вы намерены брать истории из

жизни или будете придумывать их сами?

— Про Молчанова ничего говорить не буду. Во-первых, потому, что мы друзья и я отношусь к нему с нежностью и уважением. А во-вторых, потому, что сама, выступая у него в ток-шоу, не соврала ни на йоту, хотя тема была для меня не самая приятная (она касалась моего развода). Что же касается «подстав», то вы правы, с ними мы сталкиваемся на каждом шагу, и от них, откровенно говоря, всех тошнит. Как правило, подобные ток-шоу либо вообще бесконфликтные, либо все конфликты в них откровенно и по-хамски надуманные. Причем некоторые, самые циничные, телевизионные граждане даже не пытаются это хоть как-то камуфлировать. В результате зритель вместо живых страстей и эмоций получает некую грубо сляпанную подделку.

— И где, откуда и каким образом эти самые жизненные истории вы будете брать?

— Как где? Из той самой родной среды, в которой мы с вами живем! А она, знаете, полна страстной, порой дурно пахнущей, но тем не менее такой обаятельной жизни!

— Тексты в «Деликатесах», как известно, ваши, а как далеко простирается ваше авторство в этой программе?

— Достаточно далеко. Хотя нет, оно касается только моих персональных текстов. Да и вообще в ток-шоу главными авторами являются зрители и гости, те, кто вступает с ними в дискуссию. Здесь все держится преимущественно на импровизации. И мне, признаться, это страшно нравится!

— Вы говорите, что в основе каждого выпуска лежит определенный социальный конфликт. Неужели вы действительно считаете, что телепрограмма способна что-то изменить в реальной жизни?

— Я считаю, что любой конфликт нужно обсуждать. В том, что он нашими общими усилиями формулируется, есть уже своего рода действие. Слово, как известно, и есть дело. Во-

обще у подобных программ есть очень много самых различных социальных функций. Это и своего рода психотерапевтический сеанс, это и попытка научить людей формулировать свои мысли, чувства, обиды и т.д., научить их «договариваться» с окружающим миром. А это, поверьте, задача более чем достойная и увлекательная.

— Что касается вашего имиджа, то есть у меня предположение, что он сформирован благодаря значительному влиянию на вас московских концептуалистов: Дмитрия Александровича Пригова, Льва Рубинштейна и всей компании. Насколько это предположение справедливо?

— Да, это правда. Хотя дело тут даже не в отдельных личностях, а в том круге культурных идей, языка и т.п., носителями которого они тогда были. Впрочем, с Приговым мы продолжали дружить и сейчас. Точнее, он предпочитает переписываться с моей собачкой Дусей по электронной почте. Кстати, пишут друг другу без преувеличения ежедневно, в основном носясь меня заною.

— А от классического образования хоть какие-нибудь следы в вашей душе остались, читаете ли вы на досуге греческих классиков, помните ли латынь и так далее?

— Увы, не могу похвастаться тем, что по ночам зачитываюсь «Государством» Платона в подлиннике. Тем более что жизнь нас во многом учит нынче несколько иным схемам. Но одно знаю точно: та самая дрессура, которую я получила в свое время на кафедре классической филологии Петербургского университета, полностью отредактировала всю мою последующую жизнь и ой как в ней пригодилась! Хотя, по-моему, большая часть моих более серьезных однокурсников полагают, что я нынче работаю кем-то вроде рыжего придурка на цирковой арене... Впрочем, они не так уж далеки от истины.

Беседу вел
Александр СЛАВУЦКИЙ
Фото Ирины КАЛЕДИНОЙ